

А. В. БОНДАРКО

**ФОРМООБРАЗОВАНИЕ, СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ
МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ**

(На материале русского языка)

1. К истории разработки понятия «формообразование». Теория морфологии до сих пор испытывает воздействие проведенного Ф. Ф. Фортунатовым (мы отвлекаемся от более ранней грамматической традиции) разграничения форм словоизменения и форм словообразования. В концепции Ф. Ф. Фортунатова это разграничение основано, с одной стороны, на функциональном признаке (формы словоизменения обозначают «различия в отношениях тех предметов мысли, которые обозначаются данными словами, к другим предметам мысли в предложениях», тогда как формы словообразования обозначают «различия в самих предметах мысли, обозначаемых словами»), а с другой — на признаке формальном: формы словоизменения приравниваются к формам флексии слов¹. Эти признаки существенно ограничивают область словоизменения по сравнению с теми потенциально возможными пределами, в которых слово, изменяясь грамматически, не перестает быть самим собою. Функциональное ограничение фактически частично преодолено самим Ф. Ф. Фортунатовым: приводя в числе других форм словоизменения формы наклонения и времени, он уже выходит за пределы различий «в отношении данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях»². Таким образом, уже в самой концепции словоизменения в трактовке Ф. Ф. Фортунатова заключались предпосылки ее возможного пересмотра. Такой пересмотр фактически и осуществился в работах Л. В. Щербы и В. В. Виноградова. При этом был использован другой термин — «формообразование»: место противопоставления «словоизменение — словообразование» заняла оппозиция «формообразование — словообразование».

Формообразование в трактовке Л. В. Щербы связано со значительным расширением круга форм одного и того же слова, ср. такие соотношения, как *делать* и *сделать*, *добрый* и *предобрый*, *трубка* и *трубочка* (последнее — с некоторыми оговорками). Понятие формообразования вышло за рамки форм флексии слов, включив сложные формы, а также формы, образованные посредством префиксации, суффиксации, чередования. Расширилось и понимание функциональной стороны: понятие форм одного слова связывается с обозначением одних и тех же предметов мысли в разных аспектах или с разными дополнительными значениями³.

Не менее широко очерчивает понятие формообразования В. В. Виноградов. Формами одного и того же слова признаются, например, такие

¹ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Общий курс, «Избранные труды», I, М., 1956, стр. 155.

² Ф. Ф. Фортунатов, указ. соч., стр. 155.

³ См.: Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения, «Избр. работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1958, стр. 18—20.

образования, как *щец* (ласкательная форма род. падежа слова *щип* — *щип*), обороты типа *возьму и скажу* (форма слова *сказать*), а также (предположительно) *сидит-сидит*, *синий-синий*, *едва-едва* и т. п.⁴

Концепция формообразования, выдвинутая Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым, способствовала развитию и обоснованию понимания слова как «системы сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм»⁵. Положительную роль сыграло на определенном этапе разработки данного вопроса и вовлечение более широкого круга языковых фактов в сферу проблематики тождества слова (какими бы спорными ни были те или иные конкретные решения). Однако рассматриваемая концепция заключает в себе противоречие: с одной стороны, понятие формообразования охватывает широкий и неоднородный круг образований, далеко выходящих за пределы собственно словоизменения, а с другой — сохраняется принцип ограничения формообразования сферой форм одного слова, что, по существу, предполагает тождество формообразования и словоизменения.

В последующие годы в грамматической литературе проявилась тенденция к ограничению состава форм одного слова, что сочеталось со скептическим или отрицательным отношением к понятию формообразования⁶.

В результате сосуществования расширительной и ограничительной тенденций в проблематике формообразования — словоизменения сложилась весьма неопределенная ситуация. Понятие формообразования в какой-то мере сохранило свои позиции, но без тех «крайностей», которые резко отличали его от понятия словоизменения⁷. Не устранялась неясность в соотношении этих понятий: если формообразование, как и словоизменение, базируется на понятии системы форм одного слова, то есть ли основания сохранять двойственность терминов? если же формообразование шире, чем словоизменение, то на чем основано ограничение формообразования кругом форм одного слова?

2. Предлагаемая трактовка соотношения понятий формообразования и словоизменения. Выход из замкнутого круга, на наш взгляд, заключается в освобождении понятия формообразования от ограничения его формами одного слова⁸. Формообразование — это не только образование форм одного и того же слова, но и образование форм разных слов. Иначе говоря, данный термин трактуется нами в соответствии с его внутренней формой без дополнительных ограничений, связанных с тождеством слова: формообразование есть образование форм (любых форм в рамках данной части речи). Формо-

⁴ См.: В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН ОЛЯ, 1944, 1, стр. 36—40.

⁵ Там же, стр. 36.

⁶ См. точку зрения П. С. Кузнецова в кн.: «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», М., 1952, стр. 31—32, 67, 323, 343. Позднее П. С. Кузнецов отказывается от понятия формообразования, считая, что оно «характеризуется порой очень туманными и расплывчатыми признаками, и достаточных оснований к тому, чтобы заменить им четко определенное понятие словоизменения, не имеется» (П. С. Кузнецов, О принципах изучения грамматики. Материалы к курсам языкознания, М., 1961, стр. 41). Ср. также: Н. А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке, М., 1962, стр. 6—29.

⁷ Эта ситуация нашла отражение, в частности, в академической «Грамматике русского языка» (I — Фонетика и морфология, М., 1953, стр. 16—18, 24—25, 30, 43).

⁸ Важный шаг в этом направлении был сделан А. А. Реформатским, который предложил следующее решение: изменения реляционного значения в случаях типа *стол'ик-ам* охватываются словоизменением; изменения деривационного значения (*стол'-ик*) охватываются словообразованием; «...и то и другое — формообразование: словоизменительное и словообразовательное» («Введение в языковедение», 4-е изд., М., 1967, стр. 252). Далеко не во всем соглашаясь с А. А. Реформатским, мы поддерживаем самый принцип определения формообразования на основе выхода за пределы форм одного слова.

образование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а частично накладывающимися друг на друга понятиями. Зоны формообразования и словообразования пересекаются, образуя общий сегмент, в котором представлено как то, так и другое явление (без смешения); за пределами же общего сегмента перед нами либо формообразование без словообразования, иначе говоря, формообразование в рамках форм одного слова, т. е. словоизменение, либо словообразование без формообразования, когда образование новых слов не связано с образованием новых форм (ср. случаи типа *дед — прадед*, *лужа — лужица*, *моральный — аморальный*; аналогичны и случаи типа *стол — столик*, так как никаких изменений с точки зрения форм рода, числа и падежа здесь не наблюдается).

Совмещение формообразования и словообразования представлено, например, в таких случаях, как *лететь — влететь, долететь, залететь* и т. д. В результате префиксации образуются новые слова и вместе с тем осуществляется видообразование. Ср. также случаи типа *художник — художница* (основной процесс — образование нового слова — названия лица женского пола; вместе с тем образуется форма женского рода), *горох — горошина* (основной процесс — образование слова со значением единичности от слова с вещественным значением, но попутно изменяется и род)⁹. Возникает возможность выделения разных типов совмещения формо- и словообразования, в частности с преобладанием либо словообразовательной, либо формообразовательной функции (примерами последнего рода могут служить случаи типа *штрафовать — оштрафовать*).

Между формообразованием и словообразованием никогда не стирается функциональное различие в направленности на создание либо новых форм, либо новых слов; когда то и другое осуществляется одновременно, одними и теми же средствами, то это свидетельствует не о стирании граней между рассматриваемыми процессами, а лишь о явлении полифункциональности языковых средств.

При такой трактовке рассматриваемых понятий вопрос о границах системы форм одного слова связывается уже не с самим по себе понятием формообразования, а с типами формообразования. Иначе говоря, граница между образованием форм одного слова и форм разных слов, с нашей точки зрения, проходит внутри области формообразования. Систему форм одного слова мы связываем с термином «словоизменение». Таким образом, понятие формообразования охватывает словоизменение (словоизменительное формообразование) и, кроме того, формообразование несловоизменительное, т. е. сочетающееся со словообразованием (классификационное, или словообразовательное).

Поскольку процесс формообразования конституирует морфологические категории (хотя и не сводится к этому¹⁰), типология формообразования оказывается тесно связанной с типологией морфологических категорий.

3. К л а с с и ф и к а ц и я м о р ф о л о г и ч е с к и х к а т е г о р и й по признаку коррелятивности форм в пределах одного и того же слова. Под коррелятивностью в данном случае подразумевается соотносительность всех членов

⁹ Разумеется, словообразование, сопровождаемое образованием новых форм, выходит далеко за пределы данной части речи (ср. *косить — косьба*, *красный — краснота* и т. д.), однако в этой области рассматриваемые процессы перестают быть сопоставимыми; соотношения слов и форм, представляющих разные части речи, здесь остаются для нас в стороне.

¹⁰ Ср., например, образование форм инфинитива или деепричастий, которое создает оппозиции форм (*замечаю — заметить, сидеть — сидя* и т. п.), но не создает особых морфологических категорий.

данной категории (граммем) ¹¹ в рамках одного и того же слова (одного и того же лексического значения слова). Для признания каких-либо форм формами одного слова необходимо не только тождество лексического значения, но и наличие грамматической регулярности формообразования ¹². Под грамматической регулярностью в этом смысле имеется в виду подчинение формообразования правилам следующего типа: если от форм А образуются формы Б (или: если формы А образуют оппозицию с формами Б), то регулярной (постоянной для определенного класса словоформ) является их соотносительность в рамках одного и того же (по крайней мере одного) лексического значения, например, если от форм совершенного вида образуются формы несовершенного вида (*смешать* — *смешивать* и т. п.), то они являются соотносительными в рамках одного и того же (по крайней мере одного) лексического значения. Ср. недействительность правила: если от форм несовершенного вида образуются формы совершенного вида, то они являются соотносительными...; ср. *строить* — *построить*, но *строить* — *застроить*, *настроить* и т. д.

Морфологические категории (МК) можно разделить на три типа: 1) категории, последовательно представленные корреляциями форм одного и того же слова, — п о с л е д о в а т е л ь н о к о р р е л я т и в н ы е (таковы в русском языке наклонение, время, лицо, число, род глагола, падеж существительных и других частей речи, род, число прилагательных); 2) категории, которые могут быть представлены корреляциями форм одного слова, но вместе с тем репрезентируются и противопоставленными друг другу формами разных слов, — н е п о с л е д о в а т е л ь н о к о р р е л я т и в н ы е (вид, залог глагола, число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий); 3) категории, которые не могут быть представлены корреляциями форм одного слова, т. е. всегда репрезентируются формами разных слов, — н е к о р р е л я т и в н ы е (род существительных, лицо местоимений).

Таким образом, категории 1-го типа являются постоянными носителями признака коррелятивности («коррелятивность» +), категории 2-го типа характеризуются способностью к коррелятивности, но реализуют ее непоследовательно («коррелятивность» ±), категории 3-го типа исключают данный признак («коррелятивность» —) ¹³.

Возможна и другая модификация данного членения; оно может быть представлено как двухступенчатая бинарная классификация: МК делятся на коррелятивные и некоррелятивные; коррелятивные категории подразделяются на последовательно и непоследовательно коррелятивные ¹⁴.

¹¹ Наша трактовка морфологических категорий и их компонентов (граммем) изложена в работе: А. В. В о н д а р к о, Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды), сб. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации», М., 1973.

¹² О грамматической регулярности/нерегулярности применительно к глагольному виду см.: Ю. С. М а с л о в, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление), сб. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 181—183.

¹³ Предлагаемая классификация восходит к известному членению грамматических категорий на словоизменительные и классификационные, или классифицирующие (см.: А. И. С м и р н и ц к и й, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 243; Ю. С. М а с л о в, указ. соч., стр. 167—171; А. А. З а л и з н я к, Русское именное словоизменение, М., 1967, стр. 31—32), но в некоторых отношениях отличается от него, в частности, трихотомическим принципом членения, выделяющим как самостоятельный тип непоследовательно коррелятивные категории.

¹⁴ Данная модификация в некоторых отношениях близка к концепции Ю. С. Маслова, который выделяет среди категорий словоизменительного типа две разновидности: категории, вполне независимые от лексики, например, род и число прилагательных, и категории, не являющиеся вполне независимыми от лексики, например,

Эти модификации различаются акцентами: трехчленная классификация подчеркивает различие между последовательно и непоследовательно коррелятивными категориями, рассматривая их как самостоятельные типы МК, двухчленная же классификация подчеркивает различие между МК, способными и не способными к коррелятивности в рамках одного слова, и в большей степени сближает последовательно и непоследовательно коррелятивные категории как разновидности одного более общего типа. Мы отдаем предпочтение трехчленному варианту рассматриваемой классификации, так как он подчеркивает специфику категорий вида и залога, резко отличающихся по характеру коррелятивности от таких категорий, как род, число и падеж прилагательных, наклонение, время и лицо глагола.

Оставив в стороне некоррелятивные категории, не требующие особых пояснений, остановимся подробнее на каждом из типов коррелятивных категорий.

Последовательно коррелятивные категории представляют ядро, наиболее специфический и «чистый» тип словоизменения (словоизменительного формообразования). Последовательная коррелятивность охватывает все формы, входящие в противопоставленные друг другу ряды (граммемы). Разумеется, возможны случаи, когда та или иная форма не образуется от данного слова или является неупотребительной (ср. неупотребительность форм повелительного наклонения, а также форм 1 и 2-го лица изъявительного наклонения у глаголов типа *возобновиться* — *возобновляться*, *продолжаться* и т. п.). Если, однако, формообразование данного типа реализуется, то оно всегда дает формы одного и того же слова — в этом и заключается его последовательная коррелятивность.

Среди последовательно коррелятивных МК с точки зрения их отношения к лексике можно выделить две подгруппы: 1) категории с лексически необусловленной парадигмой (род, число и падеж прилагательных, а также падеж существительных)¹⁵; 2) категории с частичной лексической обусловленностью парадигмы (наклонение, лицо, время, число и род глаголов). Следует подчеркнуть, что лексическая обусловленность парадигмы наклонения и лица (см. приведенные выше примеры) является именно частичной: она не затрагивает форм изъявительного и сослагательного наклонений, не затрагивает (за пределами безличности) форм 3-го лица. Особого рода лексической обусловленностью характеризуется категория времени, связанная с лексикой опосредованно — через категорию вида: несоотносительные глаголы совершенного вида имеют две формы времени, несовершенного вида — три, а глаголы, имеющие формы обоих видов, обладают и полной парадигмой видо-временных форм (ср.: *отзвучал* — *отзвучит*; *зависел* — *завишу* — *буду зависеть*; *рассказывал* — *рассказал* — *рассказываю* — *расскажу* — *буду рассказывать*). У категорий числа и рода глагола зависимость от лексики проявляется в безличных формах,

число существительных, степени сравнения прилагательных, вид глагола (указ. соч., стр. 167, 172). Подчеркнем, однако, что понятия «коррелятивные» и «словоизменительные» категории перекрещиваются, но не совпадают; это проявляется, в частности, в том, что категорию вида в полном ее объеме (как и категорию залога) нельзя отнести к словоизменению.

¹⁵ Последняя категория относится к данной группе в том смысле, что каждое существительное имеет полную парадигму падежа (если считать, что система падежей охватывает и формально неизменяемые слова типа *кофе*). Что же касается падежных значений, то они, разумеется, во многих случаях обнаруживают зависимость от лексики.

связанных лишь с ед. числом, а в прошедшем времени и сослагательном наклонении — лишь со средним родом.

Непоследовательно коррелятивные категории и представляют тот тип формообразования, для которого характерно совмещение коррелятивности с некоррелятивностью, широкое распространение несоотнесительных образований; ср. несоотнесительные глаголы совершенного и несовершенного вида, глаголы, выступающие только в активе, несоотнесительные по числу существительные, несоотнесительные формы положительной степени прилагательных и наречий. Парадигма указанных категорий обнаруживает высокую степень зависимости от лексики.

В категориях вида и залога представлены два типа отношений между формами, репрезентирующими противопоставленные друг другу граммы: 1) грамматически регулярный тип, в рамках которого представлены формы одного и того же слова (ср. видовые пары типа *закрывать* — *закрывать*, являющиеся результатом имперфективации, и залоговые пары типа *закрыл* — *был закрыт*; *закрывающий* — *закрываемый*, представляющие собой результат причастной пассивизации); 2) нерегулярный тип, по отношению к которому есть основания говорить об особом рода коррелятивности форм разных слов (ср. видовые пары типа *ставить* — *поставить*, являющиеся результатом перфективации, и залоговые пары типа *закрывать* — *закрыватьсь*, являющиеся результатом возвратной пассивизации)¹⁶.

Рассмотрим подробнее указанное различие. Имперфективация — это процесс, целью и регулярным результатом которого является образование видовой пары¹⁷. Говоря о регулярности при имперфективации, мы имеем в виду именно регулярность результата этого процесса — образования грамматической видовой корреляции (при тождестве лексических значений, по крайней мере их части). Если процесс имперфективации осуществляется, то регулярно (постоянно, закономерно — так, что всегда можно предугадать такой результат) возникает видовая пара. Иной характер имеет процесс префиксальной перфективации. В результате этого процесса от основы несовершенного вида образуется глагол совершенного вида, однако при этом обычным является изменение лексического значения (ср. *кричать* — *закричать*, *накричать*, *покричать* и т. п.). Результатом префиксации может оказаться и образование видовой пары (*гасить* — *погасить*, *прятать* — *спрятать*, *публиковать* — *опубликовать* и т. п.), однако такая возможность реализуется нерегулярно.

Относительная грамматическая регулярность залоговых корреляций первого типа (при причастной пассивизации) заключается в следующем: если от невозвратных финитных и причастных форм образуются формы пассивных причастий (подлинные причастия, не подвергшиеся адъективации), то данное противопоставление всегда проходит внутри одного слова и внутри одного и того же лексического значения в слове. Это и дает основание (как и по отношению к видовым парам в области имперфективации) говорить в данном случае о формах одного и того же слова. Отсутствие грамматической регулярности корреляций 2-го типа (при возвратной пассивизации) очевидно. Мы не можем сказать, что присоединение постфикса *-ся* к невозвратному образованию всегда дает противопоставление актива и пассива. В одних случаях возникает оппозиция актива и пассива (*за-*

¹⁶ Коррелятивность форм разных слов (нерегулярного типа) следует отличать от лежащего в основе данной классификации признака коррелятивности форм одного и того же слова.

¹⁷ См. характеристику различий между имперфективацией и перфективацией в упомянутой работе Ю. С. Маслова, стр. 165—183.

трагивать — *затрагиваться* и т. п.), а в других — нет (*сердить* — *сердиться* и т. п.). Это дает основание (как и по отношению к видовым парам в области перфективации) говорить в данном случае о формах, которые хотя и могут характеризоваться тождеством лексического значения, но не могут быть признаны формами одного и того же слова.

Морфологические процессы формообразования при имперфективации и причастной пассивизации монофункциональны, они направлены лишь на образование новых форм и представляют словоизменительное формообразование. Процессы же префиксации и рефлексивации полифункциональны, у них двойкая направленность: одни и те же языковые средства (приставки и постфикс *-ся*) служат для образования как новых форм, так и новых слов; здесь представлено формообразование, сопряженное со словообразованием, т. е. формообразование несловоизменительное, классификационное.

В категории числа существительных можно констатировать, с одной стороны, коррелятивность форм одного и того же слова (*лампа* — *лампы*, *село* — *села* и т. п.), а с другой — некоррелятивность, которая охватывает как случаи типа *пища*, *очки*, так и случаи типа *верх* — *верхи*. Аналогичны отношения в категории степени сравнения.

В целом категории числа существительных и степени сравнения прилагательных и наречий характеризуются известной мерой грамматической регулярности корреляций при тождестве (по крайней мере одного) лексического значения, однако лишь в ограниченных условиях (для категории числа — в рамках большей части считаемых существительных, для категории степени сравнения — в пределах качественных прилагательных и наречий, с известными ограничениями). Эта коррелятивность ближе к грамматически регулярному, чем к нерегулярному типу.

4. К л а с с и ф и к а ц и я м о р ф о л о г и ч е с к и х к а т е г о р и й п о п р и з н а к у а л ь т е р н а ц и о н н о г о / д е р и в а ц и о н н о г о х а р а к т е р а ф о р м о о б р а з о в а н и я. По характеру отношений между словоформами, представляющими члены данной категории, различаются два типа коррелятивного формообразования и, соответственно, два типа коррелятивных МК: 1) а л ь т е р н а ц и о н н ы й и 2) д е р и в а ц и о н н ы й (некоррелятивные категории данной классификацией не затрагиваются). Если в 1-м случае (при морфологической альтернации) налицо чередование форм, то во 2-м (при морфологической деривации) — производность одной формы от другой.

Распределение МК по указанным типам полностью совпадает с их распределением по признакам последовательной/непоследовательной коррелятивности. Таким образом, соответствующие категории (с одной стороны, наклонение, время, лицо, число, род глагола, падеж существительных и других частей речи, а с другой — вид, залог глагола, число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий) различаются по двум признакам. Совпадение в распределении МК по двум разным признакам связано с тем, что альтернативный характер формообразования определяет последовательную коррелятивность, а деривационный — непоследовательную. Когда между словоформами существует отношение производности, то всегда присутствует зависимость как самого факта морфологической деривации, так и его результатов от лексики и словообразования. Деривация по самой своей природе открыта для далеко идущего воздействия лексики, создающего затруднения и препятствия для коррелятивности граммем и приводящего к непоследовательной реализации этой коррелятивности. Когда же словоформы, представляющие члены данной категории, связаны друг с другом отношением морфологической альтернации, то такие трудности не возникают. Правда, для части альтерна-

ционных категорий остается действительным фактор воздействия лексики с точки зрения совместности или несовместности лексического значения со значением той или иной граммы, однако это воздействие имеет ограниченный характер. Мы имеем здесь дело с частичными лексическими ограничениями, накладываемыми на формообразование, но за пределами этих ограничений реализованное формообразование сохраняет последовательную коррелятивность, т. е. наличные формы всегда представляют собой формы одного слова. Такие лексические ограничения несопоставимы с лексическим воздействием при деривационном формообразовании, когда формообразование связывается с параллельным процессом словообразования, нарушающим коррелятивность морфологических форм.

Рассмотрим указанные типы МК более подробно. Морфологическая альтернатива предполагает чередование форм, между которыми нет отношения производности (ни формальной, ни семантической). Например, нельзя сказать, что повелительное наклонение является производным от изъявительного или сослагательного, что 3-е лицо производно от 1 или 2-го, будущее время — от настоящего или прошедшего, творительный падеж — от дательного или винительного.

Отсутствие производности одной формы от другой не означает, что формы, представляющие разные граммы данной категории, обязательно должны быть равноправны во всех отношениях. Формы, представляющие одну из грамм, могут быть основными, даже «исходными» по отношению к другим формам, но не в том смысле, что эти последние являются результатом их формального или семантического преобразования. Так, формы изъявительного наклонения являются основными по отношению к косвенным наклонениям потому, что они передают основное для целей коммуникации отношение глагольного признака к действительности — отношение реальности. Изъявительное наклонение — это основной альтернант — представитель данной МК, но не база для отношений производности. То же можно сказать об именительном падеже по отношению к косвенным падежам¹⁸.

Морфологическая деривация четко выражена в категории залога. Пассив (как причастный, так и возвратный) произведен от актива. Существует множество активных образований, которым не соответствуют пассивные, но нет пассивных образований, которым не соответствовали бы активные (подчеркнем, что имеется в виду русский язык). Производность пассива находит также проявление в ряде ограничений, с которыми связано его употребление. Соответствие носителя глагольного признака логическому объекту в пассивной конструкции — это результат определенного преобразования исходного соответствия носителя глагольного признака логическому субъекту.

В категории вида два основных типа видовых пар представляют противоположные направления деривационного формообразования: при перфективации — от несовершенного вида к совершенному, а при имперфективации — от совершенного вида к несовершенному. Деривация в этих направлениях осуществляется не только по форме, но и по смыс-

¹⁸ Ср. замечание И. А. Бодуэна де Куртене: «Нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них „переходит“. Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто существуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают и путем ассоциации друг друга вызывают. Но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *вода* переходит в форму *воду*, как и наоборот, форма *воду* — в форму *вода*» (рец. на кн.: В. И. Чернышев, Законы и правила русского произношения, ИОРЯС, XII, 2, 1907, стр. 495).

лу¹⁹. Когда от глагола несовершенного вида образуется — в плане синхронии — глагол совершенного вида (*писать* — *написать*), то нецелостная интерпретация действия становится целостной, происходит «свертывание», интеграция и лимитация процесса, его преобразование в целостный факт. Когда же от совершенного вида образуется несовершенный (*записать* — *записывать*), то целостная интерпретация действия становится нецелостной, происходит развертывание, процессуализация целостного факта²⁰.

Формальная производность сравнительной и превосходной степени от положительной не вызывает сомнений. Представляется несомненной и аналогичная производность по значению²¹. То же следует сказать о формальной и семантической производности мн. числа существительных от ед. числа (такова господствующая тенденция).

Возникает вопрос о категории числа прилагательных и глаголов. Почему мы относим число в этих случаях к альтернативному, а не к деривационному типу? Число прилагательных не обладает самостоятельной семантической значимостью: перед нами согласовательная категория, которая лишь подчеркивает связь зависимого признака с единичной или множественной субстанцией; «собственной», самостоятельной семантической производностью формы мн. числа имен прилагательных не характеризуются. С точки зрения закономерностей формообразования мн. число прилагательных не обнаруживает зависимости от ед. числа. Никаких затруднений образование мн. числа не вызывает, соотносительность форм не знает исключений. Следовательно, это равноправные формы, и с функциональной точки зрения есть основания видеть здесь скорее явление альтернации, чем деривации.

В основном то же можно сказать и о числе глагола. За исключением случаев типа *У нас шумят*; *Его не поймешь* и т. д., когда эта категория связывается с функциями неопределенно-личности, обобщенно-личности и безличности, число глагола, как и число прилагательных, имеет не

¹⁹ По мнению И. А. Мельчука, в категории вида обнаруживается расхождение между производностью по форме и по смыслу. Обращается внимание на близкие по смыслу глаголы, у которых направленность формальной производности в видовых парах различна, а смысловые отношения между членами пары, как полагает автор, одинаковы: *формулировать* — *сформулировать*, но *описывать* — *описать*; *демонстрировать* — *предемонстрировать*, но *показывать* — *показать* (см.: И. А. Мельчук, Структура языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними, ИАН ОЛЯ, 1968, 5, стр. 433; е г о ж е, К понятию словообразования, ИАН ОЛЯ, 1967, 4, стр. 359). Однако близость подобных видовых пар по смыслу отнюдь не обуславливает одинакового направления семантической производности.

²⁰ От рассмотренных отношений между членами видовых пар следует отличать иной аспект видовых отношений: в грамматической системе языка, как справедливо отмечают многие исследователи, несовершенный вид, будучи немаркированным членом привативной оппозиции, во всех случаях является семантически исходным по отношению к совершенному виду. Однако данное семантическое соотношение и та производность конкретным видовым словоформ, о которой идет речь (в случаях типа *писать* — *написать* или типа *переписать* — *переписывать*), лежат в разных плоскостях. Семантическая немаркированность несовершенного вида проявляется независимо от того, какой конкретной словоформой он представлен, независимо от типа видовой пары. Заметим, что семантическая немаркированность той или иной граммемы возможна и в категориях альтернативного типа, ср., например, немаркированность именительного падежа.

²¹ Суждения И. А. Мельчука о том, что значение слова *тяжелый* приходится описывать через «тяжелее нормы» и тем самым «тяжелый» оказывается более сложным смыслом, чем «тяжелее» («Структура языковых знаков...», стр. 433—434), не колеблют положения о семантической производности форм сравнительной степени. С точки зрения представленных в словоформах категориальных морфологических значений сравнительная степень всегда обозначает «больше чего-то» (пусть даже это «что-то» само по себе с лексико-семантической точки зрения может быть истолковано как «больше нормы»).

самостоятельную семантическую, а чисто согласовательную природу. Формы числа равноправны, всегда соотносительны. Мн. число глагола не проявляет никаких признаков зависимости от ед. числа. Таким образом, с функциональной точки зрения, число глагола, как и число прилагательных, примыкает к альтернативным, а не к деривационным категориям.

5. Классификация морфологических категорий и вопрос о границах словоизменения. Предложенная выше классификация МК является вместе с тем классификацией типов формообразования. Как относятся эти типы к понятию словоизменения? По существу, в предложенной классификации МК (соответственно — типов формообразования) уже дан ответ на этот вопрос: он заключен в истолковании признака коррелятивности как соотносительности форм одного и того же слова и в распределении МК по данному признаку. Однако это решение не является единственно возможным. Рассмотрим другой вариант.

Можно было бы считать формами одного и того же слова лишь формы категорий последовательно коррелятивного и вместе с тем альтернативного типа. При таком решении границы между словоизменением (словоизменяющим формообразованием) и формообразованием несловоизменяющим совпадают с границами между МК последовательно коррелятивного и непоследовательно коррелятивного типов (признак коррелятивности, лежащий в основе классификации, пришлось бы трактовать более широко — как соотносительность, не связанную необходимым образом с отношением форм одного и того же слова, т. е. как соотносительность — при тождестве лексического значения — не только форм одного слова, но и форм разных слов). В этом совпадении, в четкости границ словоизменения заключается положительная сторона такого решения. Оно действительно четко и определенно очерчивает наиболее специфическую и относительно однородную зону «чистого» формообразования, не соприкасающегося со словообразованием. Однако возникают существенные трудности с «переходными случаями». Указанное решение означает, что число существительных, степени сравнения, категории вида и залога в полном их объеме оказываются за пределами форм одного и того же слова, за пределами словоизменения. Однако грамматически регулярные видовые и залоговые корреляции, а также сопоставимые с ними корреляции форм числа существительных и корреляции степеней сравнения с трудом поддаются однозначному выведению за пределы системы форм одного слова. Наиболее адекватным было бы признание принадлежности всех этих фактов к переходной зоне между словоизменением (словоизменяющим формообразованием) и формообразованием, сочетающимся со словообразованием. Однако такое признание, вполне приемлемое в общем плане проблематики тождества слова, не избавляет от необходимости в каждом конкретном случае определить, являются ли данные формы (например, *избрать* — *избирать*; *избирающий* — *избираемый*) формами одного слова или разными словами. Поэтому мы отказались от такого варианта и предпочли ему решение, изложенное в этой статье.

Итак, по-видимому, следует отнести к словоизменению, к системе форм одного слова не только формы наклонения, времени, лица и т. п., но и формы числа существительных, степени сравнения прилагательных и наречий (в той мере, в какой во всех этих случаях сохраняется соотносительность, тождество по крайней мере части лексических значений), грамматически регулярные видовые и залоговые корреляции (т. е. корреляции в области имперфективации и причастной пассивизации). При этом, однако, возникает необходимость четкой дифференциации д в у х типов словоизменения: 1) последовательно коррелятивного

и альтернативного — «чистого» словоизменения, наиболее четко противопоставленного словообразованию, и 2) непоследовательно коррелятивного и деривационного — той разновидности словоизменения, которая обнаруживает черты переходности к несловоизменительному (классификационному) формообразованию. Такое решение делает границу между областью форм одного слова и областью форм разных слов, между словоизменительным и классификационным формообразованием менее четкой. Эта граница, в частности, проходит внутри категорий вида и залога. Однако данное решение более точно отражает сложную гамму постепенных переходов между словоизменением и словообразованием.

*

В этой статье мы рассмотрели лишь те членения МК, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о словоизменении, формообразовании и словообразовании. Представим теперь в виде возможной схемы классификации МК, основанные на иных признаках.

Отдельные членения МК могут быть объединены в три группировки: 1) собственно морфологические классификации (рассмотренные выше) по характеру формообразования в его отношении к лексике, 2) структурно-синтаксические, 3) содержательные.

Структурно-синтаксические классификации. По характеру синтагматического выявления МК могут быть разделены на два типа: 1) синтагматически слабые — не характеризующиеся регулярным синтагматическим выявлением в связях данной словоформы с другими словоформами (в русском языке таковы категории наклонения, времени и вида); 2) синтагматически сильные — обладающие указанным признаком (все остальные МК).

В рамках синтагматически сильных МК могут быть выделены две разновидности: а) синтагматически обуславливающие категории (род, число, отчасти падеж существительных, степени сравнения, залог); б) синтагматически обусловленные (род, число, падеж прилагательных, лицо, число и род глагола, отчасти падеж существительных)²².

По признаку участия МК в построении структуры предложения, т. е. по признаку структурно-синтаксической значимости, могут быть выделены три типа МК: 1) категории, характеризующиеся постоянной синтаксической значимостью; для данного типа характерно постоянное, обязательное участие членов категории в построении структуры предложения; разные члены данной категории связаны с разными синтаксическими конструкциями (этот тип представляет залог глагола); 2) категории с переменной синтаксической значимостью; такие МК могут участвовать в построении синтаксической структуры предложения, но не всегда в своей конкретной репрезентации существенны в данном отношении; члены подобных категорий в одних случаях связаны с разными синтаксическими конструкциями, а в других — с одной и той же (такова категория падежа существительных: разные падежи и одни и те же

²² Ср. синтаксические категории А. М. Пешковского, противопоставленные несинтаксическим по признаку обозначения зависимости одних слов в речи от других («Русский синтаксис в научном освещении», 7-е изд., М., 1956, стр. 30—33). Предлагаемая классификация отчасти перекрещивается с членением А. М. Пешковского, но не совпадает с ним.

падежные формы в разных функциях характеризуются разной степенью структурно-синтаксической значимости; таковы также категории вида, времени, склонения, лица, числа и рода глагола); 3) категории, не обладающие синтаксической значимостью в том смысле, что разные члены таких МК не связаны с разными синтаксическими конструкциями (род и число существительных, род, число, падеж прилагательных); эти МК участвуют в выражении синтагматических связей между репрезентантами членов предложения, но от того, какой именно граммемой представлена данная категория в предложении, не зависит тип синтаксической структуры. Подчеркнем еще раз, что существует различие между «сильным» синтагматическим выявлением МК и ее структурно-синтаксической значимостью.

Содержательные классификации. Выделяются МК двух типов: 1) с семантической и 2) с структурной доминантой. В русском языке к последнему типу относятся род существительных, род, число и падеж прилагательных, род и число глагола (категории с доминирующей структурной функцией согласования), а к 1-му типу — все остальные МК.

Категории с семантической доминантой подразделяются на две группы: 1) категории преимущественно отражательного типа, в содержании которых преобладает отражение связей и отношений объективной действительности (наклонение, время, лицо глагола, число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий, падеж существительных); 2) категории преимущественно интерпретационного типа, т. е. с преобладанием элементов языковой семантической интерпретации отношений, которые являются или могут быть одними и теми же в объективной действительности (наиболее ясно этот тип представляет залог глагола). Категория падежа, которую мы отнесли к 1-му типу, может проявлять и свойства 2-го (ср., например, соотношение падежей в активной и пассивной конструкциях). В категории вида сильно выражены как отражательные семантические элементы (такие, как длительность, повторяемость), так и интерпретационные (в частности, целостность действия — доминирующий различительный признак в системе видов).

Наконец, выделяются следующие два типа: 1) категории, участвующие, наряду с другими языковыми средствами, в передаче отношения содержания высказывания к действительности, устанавливаемого с позиции говорящего (ср. субъективно-объективные категории А. М. Пешковского и сходные понятия, называемые другими терминами); 2) категории, не участвующие в передаче указанного отношения. К 1-му типу в русском языке относятся категории склонения, времени и лица, а также, вероятно, и вида — постольку, поскольку вид участвует в реализации функции локализованности/нелокализованности действия во времени; ко 2-му типу относятся все прочие МК.

Особого исследования требует установление связей между отдельными членениями МК — отношений зависимости и независимости между типами, выделенными по разным признакам. Определение этих отношений позволит перейти от совокупности отдельных классификаций к их системе.